

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Ублажила кавайного увальня в Турции

Бармен турок возжелал меня, когда я отдыхала в отеле Сан Хэвен в Алании. Он ухлёстывал за мной, что было сил, но взаимностью отвечать на его ухаживания я не собиралась. Во-первых, он был не в моём вкусе (чересчур толстый), а во-вторых, я отдыхала не одна, а вместе с мужем. Только что у нас была свадьба, и нам подарили путёвку в Турцию, на двоих, что называется: медовый месяц в Алании! Не совсем, конечно, месяц — всего 14 дней. И эти 14 дней были на исходе. Завтра мы должны улетать домой. Муж очень хотел посмотреть Стамбул, а мне этот Стамбул никуда не сдался, поэтому муж уехал один, а я, чтобы разнообразить своё утро, пошла в бар.

Бар не работал, все столики были пусты, но турок бармен (тот самый, который за мной ухаживал) уже был на своём месте за барной стойкой. Он увидел меня, одну, без мужа, и широкое его лицо расплзлось в плотоядной улыбке. Я села за столик, турок сел рядом со мной, угощая ледяным мохито.

— Я завтра уезжаю, — сказала я, потягивая коктейль через соломинку.

— Я буду очень скучать, — сказал бармен, двигаясь ко мне ближе. — Наташа.

— Что?

Турок смотрел на меня, жадно дыша и плотоядно улыбаясь.

— Ты подаришь мне что-нибудь на память?

— Что именно вам подарить?

— Подари мне свои трусики.

— ЧТО?!

— Подари, пожалуйста, мне свои трусики! Я больше ни о чём тебя не прошу. Ты ведь знаешь, что я очень сильно тебя хочу. Но ты замужем, принадлежишь другому, поэтому всё, что я прошу: подари мне свои трусики.

Я понимала, что так просто от него не отделаюсь.

— Ну, хорошо. Я схожу в номер и принесу.

— Зачем в номер? Не надо в номер. Подари те трусики, которые сейчас на тебе.

Сердце моё напряженно замерло.

— То есть как?

— Просто, вот сейчасними трусики и подари их мне!

Дыхание перехватило, а сердце тяжело забилося. Я даже слегка увлажнилась. Этот наглый турок предлагал мне прямо здесь, прямо сейчас, снять с себя трусики и подарить их ему. К моему удивлению, меня эта мысль возбуждала.

— А вдруг кто-нибудь зайдёт?

— Я закрою дверь, — сказал он, пошёл, закрыл дверь, и снова сел рядом со мною.

Я пребывала в нерешительности.

— Вы обещаете, что оставите меня в покое и не будете приставать?

— Обещаю! — сказал он. — Простоними свои трусики и подари их мне.

— Хорошо, — сказала я.

Не спеша, поставила махито на стол, засунула руки под подол сарафана, слегка привстала, стянула трусики с бёдер, потянула их ниже, через колени, ещё ниже, высвобождая сначала одну ногу, потом другую, сняла их полностью. Пунцовая от возбуждения, я отдала свои

трусики турку. Он не стал их разглядывать или обнюхивать, а сразу засунул в карман бермудов.

Я допила махито и сказала:

— Ну, я пошла?

Турок молчал.

Я встала. Турок слегка отодвинулся, пропуская меня, и продолжая смотреть на меня. Без трусиков я чувствовала себя возбуждающе голой (хотя подол сарафана был довольно длинный и скрывал всё). Я хотела пройти между турком и столиком. Но едва я сделала шаг, турок схватил меня за запястье.

— Наташа! Ты сводишь меня с ума! Ты безумно красивая! Не уходи! Наташа!

— Но вы обещали, что не будете приставать!

— Да, да! Я не буду приставать! Побудь ещё немного!

И я почувствовала, как вторая его рука легла на мою ногу, и, продвигаясь вверх, полезла под подол сарафана. Рука медленно заскользила по внутренней части бедра, по обнаженной коже. Мурашки удовольствия побежали по телу. Гипнотическое оцепенение овладело мной. Я стояла и не шевелилась, позволяя кавайному увальню забираться всё выше и выше, непозволительно выше, пока его пальцы не коснулись моих половых губ. Я вся затрепетала и потекла. Колени задрожали от возбуждения. Грудь напряглась, соски стали каменными. Мужчина и вторую руку сунул под подол сарафана. Теперь одной рукой он гладил мою киску, а второй рукой сжимал и тискал мою голую попу. Лицо мужчины сияло удовольствием. Ему было в кайф ощупывать молодую русскую Няшу-Наташу. Он, ни в чём себе не отказывая, сунул палец мне во влагалище — стон наслаждения сорвался с моих губ. Какая-то часть моего сознания противилась всему этому и настойчиво требовала тут же прекратить всё это и уйти. Но подавляющая часть моей сущности твердила: да! позволь ему делать то, что он делает! Дай ему на утеху свое тело! Подари ему удовольствие, и он в ответ подарит тебе новое, экзотическое наслаждение! Воспользуйся этим шансом, завтра этого шанса уже не будет. И пока я стояла смущённая этими мыслями, мужчина снова взял мою руку за запястье, и потянул вниз. Мягко, но напористо. Даже пришлось слегка наклониться. Мужчина продолжал тянуть мою руку вниз, до тех пор, пока ладонь моя, и пальцы мои не ощутили что-то твёрдое, горячее, некую упругую плоть — тогда я поняла, что турок успел расстегнуть бермуды и вытащить пенис. И теперь я, слегка нагнувшись, гладила мужской пенис, сжимала, теребила его, двигала кожаную оболочку вверх-вниз. Турок одной рукой гладил под подолом мою голую попу, а другой рукой тискал мою грудь. Неожиданная стремительность всего происходящего не давали мне времени одуматься. И мне уже самой интересно было теребить мужской пенис. Половой орган турка был чуть больше и чуть толще, чем у мужа, а в остальном, мало чем отличался. Пока я пальпировала пенис, турок перешёл к более активным действиям. Он взял меня за шею и резко потянул вниз. Не успела я что-либо предпринять, как уже оказалась перед турком на коленях. А мужчина продолжал нагибать мою шею, пока крепкий упругий мужской член не оказался прямо перед моими губами. У меня был последний шанс остановиться и прекратить всё это — но я не прекратила. Не могу даже вспомнить, сопротивлялась ли я хоть немного? Я помню только одно, как стояла на коленях и брала в рот пенис. А довольный турок наблюдал, как я это делаю.

На лице его — идиотская гримаса наслаждения. Он гладил нежно мои волосы, одобряя мои действия. А потом обеими ладонями сжал мою голову и начал сам задавать скорость и

глубину погружения. Я целиком отдалась его воле. Покорствуя всем его прихотям, я стояла на коленях и заглатывала хрен целиком, до самого основания, до самого горла, при этом нос мой то и дело упирался в жирную мякоть живота. Я брала в рот мужские яички и лизала их. Облизывала пенис, как мороженку, а потом брала его в рот и наяривала. Вся, без остатка отдалась проснувшемуся во мне чувству неистовой похоти. Кивала головой вверх — вниз, как заведённая, заглатывая до самого горла, не хуже, чем Саша Грей. А потом я встала, развернулась, и легла на стол грудью, задрав сарафан до пояса, выставив на обозрение свои ягодицы и свою набухшую киску. Обеспечивая мужчине свободный доступ. Турок тут же ловко и напористо вошёл в меня — я, закусывая губы, замычала от нарастающей во мне бури. Возвратно-поступательные телодвижения доставляли не просто радость и удовольствие, они буквально закружили в хороводе, в могучем торнадо каждую мою клетку. Скольжение плоти внутри моей плоти рождало целые водопады эмоций, каскады чувственного крещендо следовали друг за другом. Фрикции, запрещённые богом, но разрешённые дьяволом, были символом бунта и непокорности. Даже священные узы брака не смогли их предотвратить. Из глубины наших сущностей они вырвались и воплотились в вполне конкретные действия, но... По причине разных температур кипения, пока я только закипала, турок уже взорвался. Прямо во мне. Я одёрнула сарафан, и поспешила в номер, под душ, смыть турецкое семя, дабы оно не дало всходы.

Приняв душ, я надела свежие трусики и новый сарафан, и пошла завтракать. Я была всё ещё разгорячена и наспех съела что-то, что — уже и не помню. Я поднялась к себе, планируя взять сумку и идти на пляж. Но идя по коридору, увидела, как сосед, через два номера от нашего, выглянул из своей двери. Окинув взглядом коридор, и убедившись, что я одна, он приглашающим жестом поманил меня к себе в номер, а потом скрылся, оставив дверь в номер приоткрытой. Без сомнений, он хотел, чтобы я к нему зашла. Он открыто приглашал меня, и даже догадываюсь зачем. Да как он посмел, вдруг, ни с того, ни с сего, проявить такую наглую смелость?! Раньше он этого не делал. Ни малейшего повода я ему не давала. Может он случайно утром зашёл в бар и увидел меня на столе трахаемую барменом? Нет, это невозможно. Дверь бара была закрыта на ключ. А может, он узнал, что мой муж уехал в Стамбул и я временно свободна? И это тоже не повод вести себя столь вызывающе напористо. А! Я вспомнила! Утром рано я видела как этот немец (ибо сосед, заманивающий меня в номер, был маленьким, толстеньким, плюгавеньким немцем), как он провожал свою толстую жёнушку до экскурсионного автобуса. Значит, он её отправил в экскурсию, а сам решил, не теряя времени, поразвлечься со мной? Этот Ганц совсем охренел! За кого он себя считает? Пуп земли? Он что: думает, что я по первому зову побегу и раздвину перед ним ноги? А вот хрен тебе, фриц недобитый! Сейчас я зайду в твой номер, и всё тебе выскажу! Я поставлю тебя на место! И я зашла в его номер и закрыла за собой дверь.

Я сразу поняла, что он в спальне. Я зашла в спальню. Пузатый немецкий хряк полусидел, полулежал на своей кровати. Он смотрел на меня, улыбался, и был полностью голый. Я сразу увидела торчащий член, который мужчина, не спеша, подрачивал. Этот торчащий хрен, эта обнажёнка спутало мои планы, я уже и не знала, что делать. Стояла в нерешительности, а голый немец второй, незанятой рукой, приглашал меня лечь рядом с ним на кровать. Не погасший огонь внутри толкал меня лечь на кровать к фрицу, коснуться пениса, погладить его, сжать в руке сильно сильно. Мы были в номере одни, и никто никогда не узнает, что я лежала рядом с голым немцем и трогала его пенис. Тем более что я завтра улечу домой, и

второго такого шанса не представится. Всё ещё охваченная сомнениями, я легла на кровать рядом с немцем. Протянула руку и прикоснулась к его пенису. Стала его гладить, изучать. И пока я это делала, немецкий увальень высвободил из сарафана мою грудь, стал её тискать, мы целовались.

Я возбуждалась. Мужчина положил руки мне на затылок и стал давить вниз (точно так же, как это делал турок-бармен), приговаривая: «Сак, сак, сак май дик!» И рот мой вновь наполнился мужской крепкой плотью. Не ожидала, что во мне дремлет первоклассная соска. Я сосала так искусно, как только умела. Я старалась. Я делала это с такой ответственностью, как будто раньше были всего лишь тренировки, а сейчас — самый настоящий экзамен. И я должна его сдать на пять баллов. Не знаю, откуда мой мозг заразился подобной чушью, но я действительно старалась сделать всё, чтобы ублажить кавайного увальня. Я вылизывала его мошонку до блеска. Порхающим движением языка ласкала самые чувствительные места пениса. Энергично работала рукой. Втягивала пенис в рот, создавая прокосмический вакуум, и с громким «чпок» выпускала его. (Специально для ) Обхватывала член плотным кольцом из губ, наяривала до ломоты в шее. А потом, толстый немец-коротышка снял с меня остатки одежды, и стал меня трахать как самую последнюю шлюху, во всех позах, какие только подсказывала его извращённая фантазия. Я была сверху, справа, слева, под ним. В колено-локтевой позе прогибалась поясницу. И орально улаждала во всех мыслимых и немыслимых положениях. Для меня это было полное сексуальное раскрепощение. Я взяла крем и смазала свой анус. Потом легла на спину, задрала ноги и руками раздвинула свои ягодицы. Немец вошёл в мой зад. Долго он терзал меня анально, потом туда же и кончил. Я поспешила в свой номер, дабы под душем смыть с себя все следы непотребных деяний, совершённых над моим телом. В этот день открылась новая грань моих возможностей, моих потребностей. Я даже не могла это назвать изменой, ибо это было нечто совершенно иное, никоим образом не связанное с моим мужем. В голове моей сформировалось новое понятие верности: я могла свободно переспать с сотней мужчин и остаться верной своему мужу. Вот с таким парадоксом в стиле Эммануэль, я вышла из душа, легла в кровать и уснула.